

6. Немецкий приказ «О поведении войск на Востоке» («Красная звезда» от 15 января 1942 года) [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://myweb/su/blog/history/19878>. – Дата доступа: 14.01.2019.

7. Карательные акции в Беларуси / сост. В.Я. Герасимов, С.М. Гайдук, И.Н. Кулан. – Минск : Сталія, 2008. – 164 с.

УДК 321

А.А. Козел

БЕЛОРУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РОМАНТИЗМ И. КОНЧЕВСКОГО (АБДИРАЛОВИЧА)

Российская коммунистическая партия большевиков (РКП(б)), взяв власть 7 ноября 1917 г., неминуемо должна была решать национальный вопрос, который значился в ее программных документах как один из основных. Не только большевики, но и меньшевики, и эсеры придерживались идеи о предоставлении всем народам бывшей Российской империи права на национально-государственное самоопределение вплоть до отделения. После силового закрытия большевиками Всебелорусского съезда (17–18 декабря 1917 г.), на котором предполагалось легитимным образом решить вопрос о национально-государственном устройстве Беларуси, часть членов Президиума съезда в трех Уставных грамотах ознакомила общественность со своим видением национально-государственного устройства Беларуси. Если изначально все белорусские политические группировки, в том числе и национально ориентированные, видели политическое будущее Беларуси как демократической республики в составе новой демократической России, то в третьей Уставной грамоте от 25 марта 1918 г. объявлялось полное политическое отделение от нее и провозглашалась независимая Белорусская Народная Республика (БНР) [1, с. 123]. Поскольку эти события происходили в условиях немецкой оккупации и при поддержке оккупационных властей, то как только Минск был освобожден Красной Армией, правительство БНР покинуло Беларусь, тем самым была ликвидирована и сама БНР. Следует обратить внимание и на тот очевидный факт, что белорусские национально ориентированные политические организации не имели заметной поддержки среди населения: на выборах во Всероссийское Учредительное собрание в ноябре 1917 г. они набрали 0,3 % голосов избирателей, а их прямые конкуренты – большевики и эсеры – 54,1 % и 32,2 % соответственно [2, с. 61–62]. Исследователи отмечают, что в рабоче-крестьянской среде

зрела идея создания белорусского государства как советского и социалистического. Такой подход к белорусскому национальному государственному строительству совпадал с позицией ЦК РКП(б) и находил там поддержку. 24 декабря 1918 г. на своем заседании он принимает решение о необходимости создания Белорусской национальной государственности [3, с. 30]. Провозглашение ССРБ произошло 30 декабря 1918 г. в Смоленске на VI Северо-Западной конференции РКП(б), названной впоследствии первым Съездом Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии. Под названием БССР белорусское государство существовало до 19 сентября 1991 г., даты когда Верховный Совет еще БССР принял новое название – Республика Беларусь.

Противники советской социалистической государственности в Беларуси, опасаясь репрессий со стороны Советской власти, оказались за рубежами родной страны. Такой участи удостоились и многие представители русской интеллигенции. Как первые, так и вторые создали за рубежом известные сегодня каждому образованному человеку труды по философии, политике, праву. И те и другие мечтали о национальном возрождении, которое не могло произойти, на их взгляд, в условиях господства коммунистического мировоззрения и диктатуры пролетариата. Отличие в том, что выдающиеся русские мыслители белорусского происхождения (Н.О. Лосский, Н.Н. Лосский, И.Л. Солоневич), ученые с мировым именем, оказавшись за рубежом, видели благополучие белорусов в союзе с русским народом, не разделяя их ни культурно, ни этнически, ни политически.

Белорусская политическая и творческая эмиграция, а иногда она выступала в одном лице (например, А.И. Цвикевич), политическое и национально-культурное будущее видела в абсолютном отрыве от России. Таких взглядов придерживался и Игнат Кончевский (литературные псевдонимы Игнат Абдиралович, Анна Голубянка). Игнат Кончевский (май 1896 г. – 23 апреля 1923 г.) родился в Вильне, как и его младший брат Арсений (5 сентября 1901 г. – 31 августа 1931 г.) воспитывались в семье секретаря окружного военного суда, которому были не чужды социалистические идеи. Недаром братья стали активными участниками социалистических преобразований в послереволюционной Беларуси. В 1913 г. Игнат окончил Виленское реальное училище и поступил в Петербургский технологический институт. Однако любовь к литературе победила и он перевелся на филологический факультет Московского университета. В разгар Первой мировой войны в 1916 г. был призван в действующую армию, закончил школу прапорщиков и участвовал в боевых действиях на фронте в Румынии. Февральская революция 1917 г. застала И. Кончевского в Украине, где он включился в украинское на-

циональное движение. Позже, разочаровавшись в политике украинских националистов, уехал на Дон к своим знакомым в семью казацкого офицера Виктора Полякова и женился на его дочке Людмиле. После женитьбы вернулся в Москву, где закончил кооперативные курсы. Спустя год работы в Смоленске инструктором в Центросоюзе льноводов, после создания БССР переехал в Минск. В БССР получил довольно высокую должность инструктора Совнархоза, занимался организацией и руководством кооперативного движения, одновременно сотрудничал с белорусскими газетами и журналами. С созданием в феврале 1919 г. Советской Социалистической Республики Литвы и Белоруссии (ЛитБел) переехал с семьей в ее столицу Вильно [4, с. 83]. После ликвидации ЛитБел в связи с польской оккупацией, видимо находясь в состоянии внутреннего неприятия Советской власти, он не покинул Вильно. В 1921 г. здесь он опубликовал политико-философское эссе «Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветапогляду», в котором представил свое видение культурного и национально-государственного будущего Беларуси. И. Кончевский исходил из того, что Беларусь, несмотря на длительную историю влияния Запада (Польши) и Востока (России), сохранила свою особую идентичность: «Мы не зрабіліся народам Усходу, але не прынялі й культуры Зах. Эўропы» [5, с. 8]. Он писал, что это не относится к белорусской элите: в прошлое время к шляхте, а современной ему – (первая четверть XX в.) части белорусской интеллигенции, которые потеряли всякую связь с народом. Как точно подметил писатель, «уцяклі ад беларускага карэння». За что он дал им уничижительную оценку: «...наибольш дрэнныя, духова-распусныя элементы нашага народу» [5, с. 8]. Как революционер и социалист по духу он негативно относился к христианству, как западному, так и восточному, что не дало ему возможности дать объективную оценку его роли в культурном развитии белорусского народа. Утверждение писателя, что белорусский народ остался языческим народом, который обозначал язычество как «паганскую веру», явно не соответствовало белорусским религиозным реалиям далекого прошлого. Идеалом гражданина он объявил Ф. Скорину лишь по той причине, что ему неизвестна его конфессиональная принадлежность, скорее, на его взгляд, Скорина и тот и другой (и католик, и православный). Давая оценку Ф. Скорине, как гуманисту и реформатору, исследователи, мягко говоря, лукавят. Человек, который перевел и издал Библию на родном языке, безусловно, не просто гуманист, а прежде всего христианский гуманист, глубоко верующий человек. Свидетельство этому его переводческая и издательская деятельность. Перевести и напечатать на старобелорусском языке Псалтырь, Ветхий завет, Часослов мог только погруженный в религию ученый. Можно

предположить, что религия и вера и детерминировала его творчество. На эту сторону его жизнедеятельности отечественные исследователи не обращают внимания. Зарубежные ученые, которые знакомы с его творчеством, прямо указывают на религиозный его характер [6, с. 15–68].

Критикуя Запад и Восток за экспансионистскую политику в отношении Беларуси, И. Кончевский отдавал предпочтение западному культурному типу. Если восточная политическая культура основывается на идее единовластия (самодержавия, всевластия Советов), то западная – на идее компромисса, что дает ей преимущество не только в политической организации общества, но и в экономической, социальной, духовной сферах. Он симпатизировал западному «распылу жыцця» – политико-социальной и культурной атомизации общественной жизни: «Мір, як асобы, так і грамадзянства, ня звязаны нейкім аб’яднаньнем. Усе рассыпана, усе падзелена, варожа настроенае жыве разам, згаджаецца, не протэстуе» [5, с. 14]. Белорусы постоянно колебались между двумя мощными культурами – западной и восточной. Восточная манила своей простотой, искренностью, соответствием внешнего и внутреннего, но, писал Кончевский, такой однозначности белорус должен избегать, поскольку в жизни все сложнее и неоднозначно. Из этой неоднозначности писатель вывел европейскую культурно-политическую терпимость и деликатность и сожалел, что белорус не синтезировал восточное и западное. Исследователи, разработавшие теорию цивилизационного развития общества (О. Шпенглер, Н.Я. Данилевский, А. Тойнби), убедительно доказали невозможность такого синтеза, или переноса одного культурно-исторического типа на другой. Они же показали несостоятельность концепции общечеловеческих ценностей, за которые ратовал И. Кончевский.

Рефлексируя особенности общественно-политического бытия белорусского народа, сопрягая его с политической практикой Европы и Советской России, он критически оценивал опыт белорусского послереволюционного национально-государственного строительства. Так, деятелей БНР, на его взгляд, заботила прежде всего власть, к которой как политическому институту он относился негативно. Советская власть, как диктатура пролетариата, полагал он, не могла отражать интересы самого многочисленного класса – крестьянства. Неудовлетворенность как БНР, так и БССР объясняется писателем доминированием в них формы над содержанием. Исходя из той очевидности, что форма по своей конструкции консервативна, а содержание – текуче и изменчиво, он, с одной стороны, видел в этом причину общественных неурядиц, а с другой, призывал белорусов к созданию новых форм общественно-политической жизни. В соответствии с формой изменяющихся об-

стоятельств, в поиске «формаў жыцця элястычных, цякучых, зменных – змест будучыны, змест індывідуальнага і соцыяльнага ідэалу» [5, с. 25]. Средствами создания новых форм может только свобода и творчество, полагал писатель. Свобода и социальное творчество никоим образом не должны быть связаны с деятельностью возникших многочисленных партий, которые выражают не интересы всего народа, а частные интересы отдельных социально-политических группировок. Идеалом общественной организации для И. Кончевского являлась Запорожская Сечь, где, как он писал, свободно дышалось украинским и белорусским крестьянам. Но это было в далеком прошлом, а сегодня принудительная партийно-классовая государственность перекрывает все возможные каналы социального народного творчества. Вместе с тем, если в политической области отсутствуют условия проявления творческих сил народа, то писатель находит их в экономике. Он полагает, что современная ему кооперация выступает примером ненасильственных форм объединения граждан. Будущее не только белорусское, но и всего человечества, мыслитель видит в ликвидации всяких принудительных форм гражданского общежития. Отсутствие насилия и принуждения создаст условия для творчества и свободы как отдельной личности, так и всему народу.

Таким образом, Игнат Кончевский в начале XX в. создал своего рода романтическую программу общественного устройства Беларуси, основанного не на доминировании государственно-политических форм, а на принципах индивидуальной свободы и социального творчества граждан. Такая точка зрения находит частично свое выражение в общественно-политической практике ряда стран, в которых в общественной жизни большую роль играют самоуправляемые объединения граждан. Мы полагаем, что такая практика актуальна и для современной Беларуси.

Список использованных источников

1. Турук, Ф.Ф. Белорусское движение : Очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф.Ф. Турук. – М. : Гос. изд-во, 1921. – 144 с.
2. Казлякоў, У.Я. Палітычныя партыі Беларусі (пачатак XX ст. – 20-я гады) : вучэб. дап. / У.Я. Казлякоў. – Мінск : БДТУ, 2000. – С. 61–62.
3. Сорокин, А.Н. Очерки истории белорусской государственности и права / А.Н. Сорокин. – Минск : Право и экономика, 2018. – 868 с.
4. Калеснік, У.А. Ветразі Адысея / У.А. Калеснік. – Мінск : Мастац. літ., 1977. – 325.
5. Канчэўскі, І.У. (Ігнат Абдзіраловіч) Адвечным шляхам / І.У. Канчэўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 42 с.
6. Кодэр, Д. Мой Франціск Скорина : эссе / Д. Кодэр ; пер. с англ. А. Новиков, Г. Ермаков. – Минск : Беларус. кнігасбор, 2000. – 72 с.

СУБЪЕКТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА МОДЕЛЕЙ ПОСТИМПЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ XX в.

Изучение власти как одна из важнейших междисциплинарных холистических проблем в социальных науках всегда детерминирована предметно-методологической спецификой избранной сферы познания. Это обуславливает проблемы взаимодействия различных дискурсов в рамках единой (обобщающей) парадигмы (конфликт парадигм еще более усложняет познание избранного объекта), а также взаимообусловленности исторических и теоретических концептов власти. Теоретическое осмысление власти как феномена объективной реальности всегда имеет ценностное измерение, будучи обусловленным потребностями реального либо альтернативного управления, а также связанным с выраженным в виде определенного миропроекта (идеальной концепции) социальным заказом властных либо контрвластных структур. Вышеизложенное придает социальным наукам *векторность, длительность, футурологичность* и *историчность* (обращенность в будущее и обусловленность прошлым).

Важными аксиомами познания реально либо виртуально пространственно-детерминированных властных субъектов является их множественность, разноразмерность и взаимодействие в рамках определенной системы (мир-системы), обусловленность как мировоззрением (миропроектом), так и внешними объективными факторами (климат, технологии, ресурсы и т. д.). Одновременно важными принципами познания являются динамика и трансформация сущности субъектов публичной власти, возможность использования единого термина (как правило, государство) по отношению к территориальным субъектам различной природы и сущности, а также необходимость осмысления взаимодействия теоретических концептов как составной части миропроекта и историко-эмпирической реальности. Вышеуказанные методологические конструкции позволяют осмысливать реальные исторические процессы генезиса, развития и упадка (кризиса) государственности, в том числе и белорусской.

Белорусская государственность имеет сложную нелинейную многофакторную природу, исторически являясь объектом иных, имеющих линейный нарратив, государственных миропроектов, в первую очередь российского и польского [3, 5]. При этом важнейшим фактором, поро-